

ФАКТОРЫ ДЕВИАЦИИ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Автор: И. В. СТАРОВЕРОВА

СТАРОВЕРОВА Ирина Владимировна - кандидат социологических наук, докторант Института социологии РАН.

Аннотация. Анализируются зависимости правового сознания и девиантного (делинквентного) поведения от уровня правового знания студентов юридических, социологических и других гуманитарных факультетов, а также неучащейся молодежи 18 - 20 лет. Показано, что данная зависимость гораздо слабее детерминирующей силы социальных, социокультурных и социально-политических факторов, приоритетно влияющих и на правосознание, и на правоповедение молодежи.

Ключевые слова: девиация * деликты * правосознание * правоприменение * правоповедение * социальные факторы девиации и делинквентности

Интенсивный рост девиантного (в том числе криминогенного) сознания и поведения населения справедливо отнесен к одной из наиболее опасных *социальных болезней* современного российского общества [1]. Особенно выражено поветрие **правовой девиантности** в сознании и поведении *молодежи*, от гражданственности которой во многом зависит нынешнее состояние, а, в конечном счете, и историческое будущее страны.

Автором статьи проведено эмпирическое исследование по данной проблематике в нескольких учебных группах студентов разной специализации - юристов, социологов и гуманитариев, а также неучащейся молодежи студенческого возраста на молодежных тусовочных площадках. История исследования такова: несколько лет назад преподавателей юридических факультетов ряда московских вузов обеспокоил рост правового нигилизма студентов. Возникло предположение, что причиной его стало "злоупотребление" молодежью приобретенными знаниями. Автору поручили выявить, не характерен ли этот феномен вообще для современной молодежи или же он действительно является следствием получения некоторого объема правовых знаний и их своекорыстного применения; не стала ли основополагающим фактором развития правового нигилизма у студентов сама современная система юридического образования? [2].

Проанализированы ответы 364 респондентов. Выборка квотная, ибо ставилась цель: выяснить не столько масштабы, сколько степень деформации правосознания и правомерного поведения опрошенных. Использовалась комбинация методик, разработанных С. И. Григорьевым и В. О. Рукавишниковым [3]¹.

Характерные девиации сознания и поведения молодежи показывает и официальная статистика [4]. Она свидетельствует, что дефекты правового сознания и явления *массового девиантного* (в т.ч. *делинквентного*) поведения детей, подростков, юношей и девушек приобретают все большие масштабы. Хотя доля молодежи в общем количестве совершенных преступлений в последние 5 - 10 лет снижалась, однако масштабы молодежной преступности с учетом динамики роста ее общего количества увеличивались. При всей либерализации правооудительной практики последних лет страна так и не возвратилась к состоянию правового поведения молодежи в дореформенном 1990 г., а оно уже и тогда (влияние начавшейся перестройки) было далеким от благополучия. Растет подростковая преступность: наркомания - в 15 - 17 раз, число венерических заболеваний среди подростков 14 - 15 лет - в 45 - 50 раз, увеличивается проституция среди малолеток. По сведениям социальных психологов, государственные органы, при всем их нежелании заводить дела, готовят сейчас в 6 - 7 раз больше материалов о лишении родительских прав, чем это было в начале либеральных реформ [5]. Отражением этого стал факт, что количество несовершеннолетних, доставляемых в правоохранительные органы, превысило миллион человек, из которых половина доставляется с расплывчатой, но в общем-то не оставляющей сомнения в девиантном характере поведения подростков формулировкой "за совершение правонарушений, влекущих меры административного и общественного порядка". Растут масштабы и последствия беспризорничества и безнадзорности детей, тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные подростками; об этом также свидетельствует структура

¹ Принятые С. Григорьевым во внимание формы девиантного поведения учитывали несколько типов отношений, предполагавших готовность респондентов к альтернативному поведению в рамках следующего выбора: "Считаю недостойным при любых обстоятельствах"; "Считаю возможным в особых обстоятельствах"; "Иногда считаю возможным"; "Считаю нормальным". В. Рукавишников проверял склонность респондентов к тем или иным социальным действиям по шкале: "Никогда не может быть оправдано"; "Иногда допустимо: к этому нужно относиться снисходительно". Всего было предложено 22 формы девиантного поведения, 15 из которых имели в российских условиях непосредственное отношение к неправомерному поведению и были включены нами как контрольные в инструментарий обследования. Некоторые результаты предшествующих исследований касались всего массива опрошенной молодежи; в данном случае проведен сравнительный анализ сознания и поведения молодежи отдельных групп, который и дает ответ на исходный вопрос о влиянии на них правовых знаний. Ответы этих респондентов на вопросы анкеты были внесены в компьютерную базу данных SPSS, после чего обработаны с помощью методов статистического анализа. Все гипотезы проверялись с помощью Independent-Sammies T-Test.

сроков заключения несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы: вопреки общей тенденции смягчения наказаний за преступления, ставшей отличительной чертой Фемиды либеральной России, наказания несовершеннолетних ужесточаются, что отражает тяжесть совершенных ими деяний [6].

Все это говорит о неоправдавшихся надеждах, что проблемы девиации в поведении молодежи могут быть решены юридическими и правоохранительными мерами, а также о тяжелых последствиях для воспитания российского юношества по сию пору не изжитых ошибок радикально-либерального развала страны.

Как известно, отечественная система формирования сознания и поведения молодежи базировалась на *приоритете* традиционной *морали и нравственности*, что и обеспечивалось *единством обучения и воспитания*. В обучении доминировал принцип овладения основами фундаментальных научных знаний в сочетании с практическим опытом их применения, причем, реализация его обеспечивалась преемственностью прошлого и настоящего, с ориентацией на будущее, при относительной *диалектической* гармонии материального и идеального. Нельзя в связи с этим не отметить, сколь разрушительным оказался нахлынувший в конце 80-х годов на российскую среднюю и высшую школу и продолжающий бушевать по сию пору шквал очернения отечественной истории, извращающий не только подлинную картину развития страны, но и само мировоззрение учащихся. Новые программы и учебники по истории, литературе, обществоведению весьма поспособствовали развернутой в СМИ кампании по очернению отечественной истории, дегероизации *поколений* дедов и прадедов - строителей экономического и оборонного могущества советской сверхдержавы, а также в целом отечественных патриотов прошлых веков, ставших для новых поколений символами российских цивилизационно-социальных и правовых ценностей. Вот и получили массы ценностно дезориентированных юных и молодых манкуртов. А ведь разрушительное воздействие этой практики влетало в совокупность с другими, действующими в унисон с нею либеральными инициативами. Так, в начале 1990-х годов в учебные заведения нахлынула волна социологических и социопсихологических анкет сексуальной направленности, ориентированных на возбуждение у учащейся молодежи нездоровых интересов. Вместе с "клубничными" детскими и юношескими газетами, многотиражными журналами, далеко переходящими грани традиционной морали телевизионными передачами, всем доступными порнофильмами они, безусловно, имеют самое прямое отношение к расцвету в России педофилии, малолетней проституции, появлению массовых жертв Venusa, тотального юношеского аморализма. К этому надо добавить дурное влияние на податливое к манипулированию детское и юношеское сознание внедренных в нашей стране социальными психологами и "желтыми" журналистами многочисленных, уроденных на Западе, валеологических и мракобесных иррациональных концепций. Их разлагающее воздействие на процессы социализации молодого человека уже давно и основательно проанализировано западными социальными психологами, но было проигнорировано российскими реформаторами.

Это сыграло огромную роль в ценностном перекодировании основывавшегося ранее на *культурных интересах, патриотизме, коллективизме* массового сознания многочисленных формальных и неформальных групп сверстников, различных субкультурных объединений российской молодежи. Известно, что именно этого рода группы и объединения во многом определяют состояние такого фактора социализации как досуг. В долиберальные времена в процессе социализации нашей молодежи одно из ключевых мест занимали комсомольская и пионерская организации, многочисленные объединения по интересам - спортивные, творческие и др. При всей скованности идеологическими рамками, они формировали *здоровые досуговые интересы молодого человека*, да к тому же *обеспечивали их реализацию инфраструктурой, кадрами и средствами*. С фактической ликвидацией этих форм молодежной самостоятельности уже на первом этапе либеральных реформ значительная часть молодежного и детского контингента перешла, по мнению ведущих российских ювенологов, в "субкультурные ниши", которые далеко не всегда носят позитивный характер.

Либеральные реформы привели российское общество к прогнозируемому учеными *ценностному кризису*. В результате, по соотношению числа разводов к количеству молодежных браков Россия занимает одно из первых мест в мире; каждый 38-й ребенок - брошенный; страна занимает 1-е место в мире по количеству самоубийств подростков 15 - 18 лет [Цит. по: 7]. Кроме того, ценностный кризис породил заметный рост экстремистских и националистических настроений в молодежной среде: по различным экспертным оценкам, ее экстремистский потенциал составляет от 5 - 7% в столицах и благоприятных регионах до 11 - 12% в депрессивных [8].

Следует назвать еще одну драматическую страницу: реформирование отечественной системы образования и воспитания. Реформаторы немало сделали, чтобы подменить базировавшуюся на *единстве обучения и воспитания* российскую классическую зарубежной системой калькулированного, оторванного от воспитания утилитарного образования. К сожалению, эта политика продолжается до сих пор, в частности, в настоящее время она воплощается в упорном насаждении, вопреки возражениям многих ученых и практиков, системы тестовой оценки знаний и ступенчатого деления российского высшего образования на утилитарный бакалавриат и теоретически фундированную магистратуру. Тестовая оценка ведет к подмене, рано или поздно, в массе учащихся способности мыслить гибко, к шаблонному мышлению с механической опорой на запоминание, и, следовательно, к снижению способности к ценностной ориентации и морально-нравственному выбору творческого варианта поведения в той или иной ситуации; бакалавриат же *в условиях платного обучения в магистратуре* отсекает значительную часть молодежи от полного овладения специальностью.

Обозначим эти обстоятельства не для того, чтобы посчитать их единственной причиной неудачного для российского общества хода борьбы с ростом девиантности и делинквентности молодежи, а затем, чтобы высказать предположение, что при всей пагубности для воспитания либеральной молодежной политики истоки неудач этой борьбы, видимо, не только в ее пороках, но и в чем-то более глубинном и коренном. Положившись на чисто юридические и правоохранные меры в ходе реформирования традиционной российской молодежной политики, либералы, став инициаторами новой, базирующейся полностью на рыночных ценностях политики, упустили из виду те обстоятельства, которые более значимо влияют на правовое сознание и поведение молодежи, требуют иных, более мощных мер, чем паллиативные по отношению к ним частные меры выше рассмотренного характера. Это и подтверждается материалами эмпирических социологических исследований, в частности, результатами проверки *гипотетических факторов зависимостей* правового сознания и поведения.

В ходе анализа выяснилось, во-первых, гипотезы о зависимости правового сознания и девиантного поведения от наличия и характера высшего образования, а также доверия к законам имеют право на существование, но они менее значимы, нежели гипотеза о зависимости их, вне связи с образованием, от социальных факторов; во-вторых, хотя гипотезы о значимости влияния юридического образования в целом (точнее "знания", как его использовать или "обойти" закон) и подтвердились, но важнее оказалось то, что это влияние весьма противоречиво - оно существенно выражено на ценностном уровне и менее значимо на уровне поведения; в-третьих, подтвердились гипотезы о более сильной подверженности негативам правосознания и неправомерному поведению молодых людей, не имеющих специального высшего образования и не являющихся студентами (к тому же у них оказалась существенно иной структура неправомерного поведения - реального и прожективного, чем у студентов). Эти зависимости очевидны, причем значимость их действительна при всех ситуациях, однако на их негативизме в большей степени и прежде всего сказываются социальные факторы, деформирующие семью, школу, референтные молодежные группы и социальную структуру общества, а через них - сознание и поведение молодежи. Мы полагаем, что юридическое знание обретает качества негативного влияния постольку, поскольку само отражает пороки современной социальной ситуации в российском обществе и

Таблица 1

Негативное отношение к антисоциальным явлениям (в % к числу опрошенных)

Явление	Всего	В том числе		
		Юристы и социологи	Гуманитарии	Неуважаемая молодежь
Хулиганство	79	84	83	71
Алкоголизм	70	75	71	51
Наркомания	72	73	69	72
Проституция	61	65	60	54
Сектантство	73	76	71	69
Криминал	74	79	72	68
Фашистская идеология	78	80	75	69
Взятки	56	54	53	63

социального уклада жизни молодежи. В этом плане интерес представляет отношение разных групп опрошенной нами молодежи к антисоциальным явлениям (табл. 1).

Опрос показал разную степень негативного отношения московской молодежи к различным антисоциальным явлениям: в наибольшей степени отрицательно относится она к хулиганству, в наименьшей - к взяточничеству, студенты - юристы и социологи относятся к этим явлениям нетерпимее, нежели гуманитарии. Что касается неуважаемой молодежи студенческого возраста, то почти по всему перечню антисоциальных явлений, за исключением наркомании и взяточничества, она показала наименьший уровень негативного к ним отношения: отрицание наркомании оказалось немного слабее, чем у юристов и социологов, но значительно сильнее чем у гуманитариев, что возможно, объясняется разным характером беготности, свойственной тому или иному контингенту молодежи. Анализ благосостояния показал, что в семьях юристов и социологов оно выше (можно предположить, что это является одной из причин такой разницы в отношении к взяточничеству). Сказывается и то, что проанализированные ранее взаимосвязи показали большее осознание юристами степени и меры кары за поведение в духе перечисленных в таблице антисоциальных явлений. Семейное благосостояние "завсегдатаев Арбата" ниже, чем у студентов. Этим и определяется, вероятно, разная степень их негативного отношения к взяточничеству. Возможно, вторые сталкиваются с ним чаще, а потому привыкли к этому явлению.

Бросается в глаза намного меньшая степень отрицания неуважаемой молодежью пьянства и алкоголизма, хулиганства и проституции, сектантства и фашистской идеологии. Выше у этой молодежи и степень идеализации криминального мира. Мы предполагаем, что здесь сказывается не столько неодинаковый уровень благосостояния семей (располагаемые личные доходы у "тусовщиков" выше студенческих) сколько начало формирования у молодежи (под влиянием различий условий жизни и доминантных черт образа жизни во всей их совокупности) различных субкультур. Располагая значительно большим свободным временем и меньшим культурным багажом (собственные попытки включиться, например, в мир музыкальной попсы) носят у этой молодежи больше характер моды, чем сознательных усилий сделать в творчестве карьеру, - неуважаемая молодежь сама в большей степени увлекается выпивками, курением "травки", сексом, рискованными поступками на грани хулиганства, нетрадиционными религиями и идеологиями, в том числе, фашистской. Постепенно для некоторых молодых людей этой категории такие увлечения превращаются в элементы девиантного сознания и поведения, а подчас и преступления.

Зачатки дифференциации субкультур обнаруживаются и при сравнении отношения к антисоциальным явлениям будущих юристов и социологов, с одной стороны, гуманитариев - с другой. В данном случае, как мы полагаем, имеет место обусловленная профессионализацией дифференциация субкультур.

Рассмотренные тенденции

Таблица 2 Безразличное отношение к антисоциальным явлениям (в % к числу опрошенных)

Явление	Всего	В том числе		
		Юристы и социологи	Гуманитарии	Неучащаяся молодежь
Хулиганство	11	9	8	18
Алкоголизм	13	14	15	10
Наркомания	15	13	14	19
Проституция	23	19	23	24
Сектантство	17	19	18	12
Криминал	18	17	15	23
Фашистская идеология	15	12	16	19
Взятки	33	35	34	26

подтверждаются данными о "безразличном отношении к антисоциальным явлениям"² (табл. 2).

Как видно, в целом молодежь проявляет разную степень безразличия к тем или иным видам антисоциальных явлений. В наибольшей степени она равнодушна к взяточничеству, что свидетельствует, как мы полагаем, с одной стороны, о примирительном отношении к нему, как к привычному для их социальной среды явлению, с другой - о зреющей установке на возможность его интериоризации в качестве модели собственного будущего поведения. Тревожно то, что в наибольшей степени "безразличие" присуще студентам, у которых в перспективе больше возможностей для такого поведения; у гуманитариев равнодушие к коррупции обусловлено, скорее всего, примирением с реальностью типа "се ля ви"; неучащаяся молодежь также, хотя и в меньшей степени, проявляет в этом аспекте свой конформизм. Студенты вообще, помимо взяточничества, проявляют большее безразличие, чем неучащаяся молодежь, к пьянству и алкоголизму, а также к сектантству, увлечение которыми требует много дефицитного свободного времени; эта молодежь также более безразлична к явлениям хулиганства, наркомании, проституции, идеализации криминального мира и к фашистской идеологии, часто это идет не от равнодушия к этим явлениям, а по причине их одобрения (табл. 3).

Степень одобрения антисоциальных явлений за исключением взяточничества, как и следовало ожидать, наименьшая у студентов юристов и социологов, которые лучше, чем другие категории молодежи, осведомлены в правовом смысле, "что такое хорошо,

Таблица 3 Одобрительное отношение к антисоциальным явлениям (в % к числу опрошенных)

Явление	Всего	В том числе		
		Юристы и социологи	Гуманитарии	Неучащаяся молодежь
Хулиганство	8	7	6	10
Алкоголизм	15	9	12	29
Наркомания	10	8	15	9
Проституция	9	7	8	14
Сектантство	7	4	7	13
Криминал	5	3	7	5
Фашистская идеология	5	3	6	7
Взятки	10	11	9	9

² У С. И. Григорьева оно соответствует среднему между "нормальным" и "трудно сказать", у В. О. Рукавишниковой - "снисходительному" отношению разных групп молодежи к антисоциальным явлениям.

что такое плохо". В 1,5 - 2 раза она выше у студентов гуманитариев (за исключением неодобрения ими хулиганства, к которому "ботаники" по своему складу менталитета предрасположены меньше, чем кто-либо). Зато намного толерантнее они к пьянству, наркомании и проституции, а также к фашистской идеологии. Неожиданно выше оказался в их среде и уровень идеализации криминального мира. В последних двух случаях сказался, очевидно, свойственный им романтизм книжного характера при относительно слабом интересе к реальности. Наибольшую тревогу внушает толерантность по отношению к антисоциальным явлениям неучащейся молодежи. За исключением неодобрения ею взяточничества и криминального мира, к которым завсегда арбатских тусовок по самому своему характеру не могут испытывать симпатии, да дорогостоящей наркомании, для увлечения которой у этой категории молодежи мало денег, что замещается повышенным одобрением пьянства и алкоголизма.

В принципе, не определившись в своем отношении к антисоциальным явлениям среди московской молодежи немного: 13% "тусовочников" не определились к алкоголизму, 9% студентов (юристов и социологов) - к проституции, 6% гуманитариев - к криминалу, причем такой уклончивой ответ больше свидетельствует о нежелании открывать свои позиции. Особенно это характерно для группы юристов и социологов, чем о действительной их "неопределенности". У нас создалось впечатление, что уклончивые ответы скрывали больше "одобрительное" отношение к антисоциальным явлениям, чем "безразличие" или "отрицательное" отношение к ним.

По отношению к закону, его соблюдению у студентов-юристов больше релятивизма и даже отмечен своеобразный цинизм, выражавшийся при опросах в часто звучавшей в их устах фразе "закон суров, но это фигня". Констатируя, что "дух пренебрежения к праву присутствует везде. На уровне бытового сознания, когда мы покупаем пиратские записи, и на уровне бизнеса, когда договоры оплачиваются сумками "налички"..., в форме коррупции..., которая имеет сегодня огромные масштабы и борьба с которой должна превратиться в национальную программу", Д. А. Медведев в выступлении на II Всероссийском гражданском форуме особое внимание обратил на неудовлетворительное состояние самой правоохранительной сферы, а в заключение сказал: "Между тем, правовым государством может быть только такое, в котором хорошо знают и уважают законы своей страны, а уровень правового сознания людей настолько высок, что позволяет контролировать действия чиновников" [9]³.

В исследовании, в частности, проверено, насколько характерна для различных групп молодежи установленная в ювенологии взаимосвязь прямой зависимости на уровне сознания степени подверженности девиантности и делинквентности от потребления ими алкоголя (в нашем случае, от *одобрения* его *потребления*). Оказалось, что студенты-юристы наименее зависимы (табл. 4), что усиливает основания, позволяющие полагать, что их достаточно высокий уровень правового нигилизма обусловлен спецификой их правовой субкультуры, имеющей истоки в характере образования.

С точки зрения позитивистской теории социально-правовых установок уровень правосознания зависит от социально-правовой установки индивида, сформировавшейся под влиянием многих факторов, в том числе, специализированного образования и глубин знаний по предмету права. Правовой *нигилизм как социально-психологическое*

³ В связи с практическими выводами из проведенного исследования несколько в тревожном свете предстает, на наш взгляд, познавательная сторона состояния теорий, использованных для теоретико-методологического обоснования, а именно, некоторый перекокс в отечественной социологии права молодежного сегмента теории правового нигилизма, которая в последние полтора-два десятилетия сделала явный крен в позитивистскую теорию права. Известно, что с точки зрения последней, право рассматривается с сугубо практической стороны, тем самым, освобождаясь от духовно-нравственной нагрузки. Позитивистская юриспруденция ориентируется на ценности среднего уровня - ценности эмпирического характера. В соответствии с этим юристы как носители позитивного права относятся к нему с точки зрения его практической полезности, не возводя его в абсолют, но несколько пренебрегая им. В свою очередь, юристы, не придерживающиеся позитивистской парадигмы, сознают эту ущербность существующих законов, их неадекватность социальной реальности и неспособность в полной мере выполнять функции права в обществе. Понимание этого также подпитывает правовой нигилизм юристов как следствие их убежденности в нежизнеспособности позитивистского права и как оппозицию существующему правопорядку.

Таблица 4 Взаимосвязь одобрительного отношения респондентов к потреблению алкоголя с отношением к другим негативным явлениям (в % к числу опрошенных)

Оценка	Всего	В том числе		
		Юристы и социологи	Гуманитарии	Неучащаяся молодежь
Одобряют потребление алкоголя	15	9	12	29
Средневзвешанные оценки антисоциальных явлений:				
не одобряют	70,26	73,57	70,5	64,13
безразличны	18,12	17,25	17,87	18,87
одобряют	8,62	6,5	8,25	12
не определились	3	2,68	3,38	5

явление развивается на основе пограничной, негативно отклоняющейся и отчасти неустойчивой системы социально-правовых установок. С этой точкой зрения перекликается известная в социологии молодежи *теория взаимосвязи социального риска и молодёжного максимализма*, которая также использовалась в нашем исследовании. Поскольку личность молодого человека в стадии социализации имеет ещё не полностью сложившееся отношение к явлениям социальной реальности, то молодежь намного больше подвержена внешнему влиянию и склонна все воспринимать намного ярче, нежели другие социальные группы, и в силу этого откровеннее демонстрирует своё мировоззрение. Из этого, кстати, следует, что воздействие социальной реальности лучше всего можно изучить именно в молодёжной среде. Для изученных групп молодежи, как мы уже убедились, влияние социума в наибольшей мере зависит от состояния сферы образования. И поскольку социология образования изучает влияние наличия и специализации образования на отношение индивида или социальной группы к определённым общественным явлениям, то определённую социальную значимость приобретает обнаруженная в рамках нашего исследования факторальная роль наличия образования вообще и характера специализированного образования, в частности, в детерминации правосознания индивида.

Установлена также значимость изучаемых в рамках социологии поведения девиантных субкультур: отношение индивида к нормам и установкам определяется нормами и ценностями той субкультуры, с которой он себя идентифицирует; субкультура влияет как на ценностную ориентацию личности, так и на поведение личности, особенно, если последняя еще находится в стадии формирования. В нашем исследовании дифференциация субкультур происходила по признаку глубины знания права и правовых норм в контексте наличия/отсутствия образования вообще и образования по предмету. В качестве девиантогенной субкультуры здесь выступает правовая субкультура профессиональных юристов, противопоставленная культуре остального общества по критерию знания правовых норм и собственной сущности права, носителями которого, по сути, и являются субъекты данной субкультуры.

Симптоматично и то, что студенты-социологи, немного выигрывая в сравнении со студентами-юристами в степени девиантогенности своего правосознания и право-поведения, несколько проигрывают в этом отношении студентам-гуманитариям. Вероятно, здесь сказывается их лучшее знание не законов, как у юристов, а механизмов функционирования общества и государственных структур, ответственных, по идее, за реализацию законов.

Однако эти обстоятельства имеют существенное значение в связи с тем, что за последние 15 лет численность студентов и аспирантов-юристов в нашей стране увеличилась почти в 4 раза, кроме того, многие получили за годы реформирования постдипломное или подтверждаемое аттестатами правовое образование на любительских курсах и семинарах; примерно в таких же соотношениях вырос и контингент изучаю-

щих социологию или имеющих ту или иную социологическую подготовку. (Сегодня в России социологов готовят около 140 вузов, кроме того, имеется масса социологических факультативов, дающих соответствующую подготовку.) И еще одно, на наш взгляд, любопытное наблюдение: если у студентов в большей или меньшей степени выражено девиантогенное сознание и поведение, то в среде неучащейся молодежи, особенно не имеющей специального или полного среднего образования, наблюдается "нулевое" сознание и более выраженное, чем у студентов, неправоное (реальное и прожективное) поведение. Это обстоятельство имеет существенное значение в связи с тем, что в современной России перманентно растет доля молодежи, не получающей полного среднего образования. В 2007 г. аттестаты об общем, точнее неполном среднем образовании, получили 1,5 млн. юношей и девушек. Но в свое время в 1-й класс их поступило 2,3 млн. человек, следовательно, почти треть отсеялась, оставшись без документа о неполном среднем образовании. Полное среднее общее образование в 2007 г. получили выпускники, численность которых стала вдвое меньше пришедших в школу 11 лет назад детей-первоклассников. Число юношей и девушек, получивших дипломы о специальном среднем профессиональном образовании в 2007 г., оказалось на 16% меньше, чем три года назад. Сегодня в России многие миллионы детей и подростков школьного возраста не посещают школу. Но и те, кто посещает, отнюдь не всегда испытывают ее благотворное воспитательное влияние. По данным статистики, из 60,5 тыс. российских школ в 2007 г. около 27 тыс. были мало пригодны для обучения в них детей: в некоторых порой нет вообще ничего, кроме куска мела и полуразвалившейся мебели.

В рамках реализации приоритетного национального проекта развития образования начата компания всеобщей компьютеризации и подключения школ к Интернету. Но "складывается впечатление, - считает президент Всероссийского фонда образования, д. пед. и филос. н. С. Комков, - что связанными с ней "благими пожеланиями вымощена дорога в ад". Потому что грешно мечтать о всеобщем включении в "мировую паутину", когда у детей нет элементарных возможностей получить качественное общее среднее образование. Да и небезопасно это, так как огромный объем разнообразной информации попадает в мозг не окрепшего и не подготовленного к этому подрастающего человека. А мы до сих пор так и не решили главную задачу: должна ли школа заниматься воспитанием или это удел улицы?" [10]. Что эти опасения небезосновательны, подтверждают многочисленные факты. Хотя бы следующее: "В Карелии разгорелся скандал, когда выяснилось, что подключенные к Интернету школьники скачивают вместо методических материалов музыку или "гуляют" по порносайтам. Директоров срочно вызвали на ковер..." [11]. А в других регионах директоров на ковер, очевидно, еще не вызывали. К сожалению, суммарные результаты нашего исследования выводят нас и на более тревожные предположения, связанные с формированием в пореформенной России синдрома перманентного воспроизводства очередного "потерянного поколения".

Подобные публикации появились еще в начале 1990-х годов прошлого столетия, а сегодня историко-социологический анализ, социальная статистика, летописи тревожных заявлений отечественных политиков разных лет, информация СМИ и повседневная российская реальность неуклонно подтверждают, что в стране действительно уже третье десятилетие последовательно воспроизводятся "потерянные поколения" молодых граждан. **Первое** из них, повзрослев, так и не вышло из состояния "потерянности", превратившись в поколение 35 - 45-летних; переболевшие пепсиколовским наваждением его представители на ином возрастном уровне воспроизвели свою социально-политическую инфантильность, общественную расхлябанность и свою общую неприкаянную неуверенность. **Второе** поколение рубежа прошлого и текущего десятилетий (группа нынешних 25 - 34 летних россиян) почти адекватно воспроизвело эти же черты социального инфантилизма. Немногие из них с пользой для себя и отечества усвоили нравственные нормы "цивилизованного" рыночного, то есть нацеленного на достижение экономического благополучия общежития, большая же часть пытается сегодня компенсировать свою потерянность неумеренным пьянством,

Таблица 5 **Жизненные позиции российских студентов** (в % к числу опрошенных)

Ответы, выражающие "согласие"	1997	1999	2007
В нашей стране столько неясного, что такому человеку, как я, трудно в ней разобраться	73,4	81,9	83,2
Сегодня кажется, что все в жизни обесценивается	73,5	73,7	80,8
Все живут сегодняшним днем и не заботятся о будущем	51,4	64,8	79,7
Ни в ком нельзя быть уверенным	57	57,8	60,5
Сейчас, когда будущее неясно, вряд ли стоит рожать детей	40	43,4	55,4

Источник: В. И. Чупров, Ю. А. Zubok, К. Уильямс. Молодежь в обществе риска. М., 2001. С. 192. За 2007 г. - данные авторского опроса московских студентов.

безалаберностью, лакейством, мелким шkodничством. Между тем в сегодняшней России хаотически мечется нарождающееся третье "потерянное" поколение молодежи (не считая, естественно, небольших, преимущественно карьеристских сколков с нее: эти-то знают, чего хотят, только от их целеустремленности блага России не прибавится). Однако надо признать, что новое (третье с начала перестройки) поколение российской молодежи существенно отличается от двух первых: скажем, явственными тенденциями роста в нем леворадикальных настроений, на одном полюсе, экстремистских и даже фашистских - на другом. Это подтверждается данными социологических исследований самочувствия наиболее продвинутого отряда - студенчества. (Ответы на вопрос "Согласны ли Вы с тем, что..." - варианты жизненных позиций см.: табл. 5.)

Но в данном случае, на наш взгляд, стоит обратить внимание на нечто иное, а именно - третье поколение молодежи под воздействием либеральных реформ стало отличаться еще большей степенью девиантности и деликвентности. Частными случаями девиантного поведения являются, с одной стороны, алкоголизм и наркомания, сексуальная разнузданность и сектантство, с другой, - экстремизм, фашизм, черносотенность, ксенофобия и др. В среде современной российской молодежи последовательно все чаще девиантное поведение перерастает в антисоциальное. О первом свидетельствуют данные исследования, о втором - статистика. В России в организованную преступность вовлечено не менее 6 млн. человек, из них 1/5 действует активно, более 4/5 таких "активистов" - из "потерянных поколений", 1/3 - молодежь; еще больше молодых в неорганизованной, спонтанной преступности. Примерно такова же структура 20 млн. российских алкоголиков, а из 4 млн. наркоманов - большинство молодежь.

В целом результаты исследования подтвердили гипотезу о зависимости правосознания и правоповедения молодежи от наличия у нее и характера образования (высшего), а также от доверия к законам и их знания. Вместе с тем выявилось, что эта зависимость слабее детерминирующей силы социальных, социально-культурных и социально-политических факторов, что позволяет констатировать приоритетную зависимость от них, как правосознания, так и правоповедения.

Аналогичные исследования проведены автором также среди разных категорий работающей молодежи, живущей в сельской местности, молодых предпринимателей и молодежи, не желающей заниматься предпринимательством, и т.д., предварительные результаты обсчитываются, но мы приходим к тому же выводу о приоритетном влиянии социальной среды на правовое сознание и поведение наших респондентов.

Состояние правосознания и правоповедения современной российской молодежи не только не улучшается, а последовательно ухудшается. Главная причина - несостоявшиеся надежды на кардинальное улучшение уровня, качества и образа жизни в стране в целом, молодежи, в том числе. Немаловажной причиной является и то, что в социальной политике в целом, в молодежном ее сегменте господствуют сиюмоментные пиаровские установки и популизм, отсутствует системность, которая проистекала бы из научнообоснованных потребностей *формирования правовой культуры населения страны, молодежи, в первую очередь.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская газета. 2008, 31 января.
2. *Староверова И. В.* Правосознание и правоповедение молодежи // Наука. Культура. Общество. 2006. N 7. С. 127 - 133.
3. *Григорьев С. М.* 17-летние россияне 1997 года: сочетание либеральных и антилиберальных ориентации // Социол. исслед. 1998. N 7; *Рукавишников В. О., Халмар Л., Эстер П.* Мораль в сравнительном изучении // Социол. исслед. 1998. N 6.
4. См.: Российская Федерация в цифрах в 1993 году. М., 1994. С. 318 - 320; Россия в цифрах. М., 2007. С. 158.
5. *Беличева С. А.* Психологическое обеспечение социальной работы и превентивной практики в России. М., 2004. С. 15.
6. Преступность и правопорядок в России: статистический аспект. Официальное издание. М. 2007, с. 33.
7. *Бобров А.* Мой месяцеслов - Отчетно-межевой февраль // Советская Россия. 2008. 28 февраля. "Принять необходимые законы о защите нравственности детей и молодежи". Резолюция XXII Всемирного русского народного собора 21 - 23 февраля 2008 года.
8. Молодежные и детские общественные объединения: проблемы преемственности деятельности и исследований. Сб. докладов и выступлений. М.: Логос, 2002. С. 18.
9. Январские тезисы Дмитрия Медведева // Российская газета. 2003. N 3.
10. *Комков С.* Кому мешает русская школа? // Советская Россия. 2008. 15 января.
11. Недочеты контроля // Российская газета. 2008. 17 января.